

ЛЕТНЕЕ ЧТЕНИЕ

АЛЕНА ЛЕДЕНЕВА
Родилась в 1993 году. Окончила факультет иностранных языков МГУ. Выпускница курсов Creative Writing School и магистратуры НИУ ВШЭ «Литературное мастерство». Публиковалась в альманахе «Пашня» и журнале «Прочтение».

1.

– И как же ты справилась сама? – спросила мама.

Лерочка пожалала плечами. Ерунда, ничего сложного. На самом деле длинная молния на спине и мелкие пуговицы с тугими петлями на манжетах стоили ей слез. Главное, что получилось, и Лерочка, пусть и взъерошенная, вышла завтракать в своем самом красивом платье.

– Испачкаешься.

– Нет.

– Вспотеешь, – настаивала мама.

– Я не буду в нем бегать. – Лерочка ровно держала спину – такое платье не позволило бы ничего другого.

– Боже мой, кажется, в нашем доме завелись манеры, – усмехнулась тетя Агата и посмотрела на маму, сидевшую с ногами на садовом стуле.

Агата, которая на самом деле была Лерочке не тетя, а мамина лучшая подруга, затеяла завтраки во дворе. Мама была удивлена наличием в доме молочника, менажницы и медовой ложки, и еще более – тем, что все это правда можно использовать каждый день.

Пришлось переставить весь первый этаж, чтобы вытащить длинный стол на газон – только ради того, чтобы Агата могла баловаться по утрам всей этой кукольной сервировкой. Ветер унесил сал-

фетки, чай шел рябью, а в джем налетал пух и древесный сор, но все были рады Агатиным недолговечным трудам; было какое-то ощущение не то праздника, не то отпуска в том, что ты ешь блинчики на свежем воздухе и щуришься от солнца.

Так что нарядная Лерочка выглядела за столом уместнее, чем ее мама в шортах и футболке с благотворительного забега, в котором если кто-то и участвовал, то уж точно не она.

– Не спала всю ночь? – Агата капнула немного молока в чай – причуда, которую никто, кроме нее, так и не осилил.

– Спала. – Мама поморщилась и почесала коротко стриженный затылок. – Три часа. Надо было закончить перевод. Наконец подвернулся заказ с греческим.

– Доспишь днем?

– Дождемся Женьку, – сказала мама. – Должны скоро приехать.

– Вдвоем?

Мама кивнула.

Лерочка сосредоточенно пилила ножиком пыльные оладьи, держа кисти на весу, чтобы не замазать манжеты. В разговоре она не участвовала, но как только услышала «вдвоем», прервалась и подняла глаза.

Внезапно захотелось попрыгать или хотя бы хорошенько подрыгать ногой. Но Лерочка сдержала

лась и просидела за столом до тех пор, пока опустевшие блюдца и тарелки не замелькали в маминых руках.

Когда Лерочка встала, чтобы пойти в дом, Агата остановила ее, приобняв за плечи, и принялась перевязывать перекрученный пояс платья в аккуратный бант.

– У меня были десятки платьев, которые я почти не носила. Берегла, непонятно правда, от кого. Это было очень давно, килограмм двенадцать назад. Так что всегда наряжайся в красивое, когда тебе хочется.

Платье туго сидело в плечах, рукава стискивали Лерины ручки – это было его последнее лето, а с учетом пользы солнца и загородного воздуха – возможно, последний месяц. Когда Агата закончила поправлять наряд, Лерочка дернула к крыльцу, как затисканный шенок, который улепetyвает, как только его отпустили.

2.

Унять волнение помогает тщательная подготовка. Лерочка зашла в свою спальню – комнату, явно задуманную для более взрослых постояльцев, – достала толстую тетрадь из ящика письменного стола, который был ей так велик, что большую часть времени она проводила не за ним, а под.

Она присела на край кровати и, вздохнув, пролистала исписанные слева и разрисованные справа развороты. Затем нахмурилась и начала одними губами перечитывать, освежая в памяти проделанную работу – подробный читательский дневник.

Последний рисунок дался тяжело: если с приникшим к отцу малюткой все было в порядке, изобразить того самого, в темной короне, которого то ли видно, то ли нет, было сложно, в итоге картинка получилась путаная и недостаточно страшная.

Разворот назад – ловкий Сережа несется по ночной улице с нежнейшим, кудрявейшим пуделем на руках. Еще раньше – красивая женщина сидит на полу с нищим мальчишкой, играя во что-то неразборчивое. Рисовать про вересковый мед было ужасно, поэтому на рисунке малютки-медовары были все еще живы и здоровы всей семьей. Лерочка задержалась на горячо любимом развороте – на него ушло полдня, пришлось узнавать у мамы и Агаты, что такое дрезина, но в итоге она обошлась без нее и нарисовала семью из трех человек, сидящих на пустом пляже.

Лерочка убрала тетрадь и достала другую, тонкую, для всех казавшуюся чистой, но на самом деле слегка исписанную в самом конце. Там хранились коротенькие заметки по мотивам книг с маминной и Агатиной полки, потому что в обычный дневник такое не запишешь.

Одна история рассказывала о мужчине и женщине, которые уехали любить друг друга на море, всех обманув. Это было бы полбеды – но муж тамшней героини следил за ними, а потом взял и выстрелил себе в оба виска из двух револьверов. Это Лерочке понравилось больше всего.

Через несколько пустых страниц, почти в середине тетради, находилось одно местечко, в котором хранились отдельные выражения из той же книжки. Совсем стыдные слова были записаны острым карандашом, мелко и светло, без нажима. Присмотревшись, можно было разобрать и «прижалась к нему выгнутым станом», и «потянулся к ее полураскрытым губам». Другой рассказ было совершенно невыносимо описать, поэтому Лерочка просто вывела чуть смелее аккуратными, круглыми буквами: «Визитные карточки».

Лерочка переволновалась и, решив, что эта тетрадка ей будет сегодня совсем ни к чему, спрятала ее под еще ни разу не раскрытые учебники на будущий год, а пухлую тетрадь про хорошие книжки оставила на виду.

За окном послышался мамин голос. Значит, приехали.

3.

Лерочка второй год подряд забывала, что экзамены у студентов проходят летом, и только в июне понимала, что ждать сестру Женьку и Мишу, ее молодого человека, надо еще месяц.

Теперь она смотрела, впечатавшись носом в окно, как Агата открывает ворота, чтобы встретить ребят. Появилась Женька – со спортивной сумкой и рюкзаком, худая, как ветка, с каре и внезапно темными волосами. Пока мама и Агата разговаривали с ней у крыльца, Лерочка напряженно высматривала Мишу – он, наверное, возился с каким-нибудь большим чемоданом.

Женька влетела в дом, следом за ней мама – Лерочка резко отвернулась от окна и принялась внимательно ковырять заусенец.

– Привет, барашек, я сейчас. – Женька на бегу поцеловала Лерочку в лоб и сразу пошла в приготовленную для нее, пока тихую и прохладную спальню.

Лерочка догадалась, что ничего более важного и страшного уже не услышит и ей пора выбираться из укрытия. Ноги затекли, и ступни мерзко кололо. Лерочка уперлась ладонями в землю и медленно отползла на четвереньках. Отдалившись на безопасное расстояние, она встала и, задыхаясь от волнения, бросилась вглубь сада. Непослушная ступня подвернулась на бегу, Лерочка чуть не споткнулась и только тогда остановилась. Поправив сандалик и отряхнув платье, она наконец разрыдалась.

Изображая скуку и безделье, Лерочка прошла мимо Агаты и вышла во двор; а уже там припустила вокруг дома, на сторону Женькиной комнаты. Чтобы ее точно не увидели, Лерочка села на корточки и мелким гуськом пробралась прямо под окно.

- Недели три назад. – Женькин голос.
- Почему ты не сказала? – спросила мама.
- Ну почему я должна была прямо сразу сообщать.
- Чирк, чирк – звук зажигалки.
- Может, хотя бы не в доме?
- Извини.

– Ладно, не выбрасывай.

Они замолчали. Женька выставила руку и стряхнула пепел прямо на макушку сидевшей под окном Лерочки.

Испугавшись, что Женька теперь обязательно выглянет, Лерочка бесшумно заворочалась и отодвинулась вбок на пару шажков. Натянутый шов на сгорбленной спине треснул, освободив вспотевшую лопатку. Лерочка закусила губу.

- Это все эта его редакторша, Таня?
- Мам, – прервала Женька. – Вот я считаю, что ты очень интеллигентный человек, но потом ты как скажешь что-то такое бабское.
- Тогда я не понимаю.

Пауза.

– Он сказал, что перестал чувствовать себя собой. – Женька почему-то хохотнула. – Что ему не нравится, в какого человека он превращается и какой он теперь видит меня. Что быт полностью перекрыл нашу творческую связь. И что ему, видимо, нужно жить одному.

– Тогда почему просто не разъехаться? Зачем сразу?

– Я спрашивала то же самое. – Женька помолчала. – Он сказал, что не может дать мне того, что я хочу, а еще не может меня обманывать. Естественно, он просто разлюбил меня, но ссыт это сказать. Говорит: «Ты мой самый близкий человек, просто я, видимо, должен быть один».

– Господи, ну что с ними всеми не так, – сказала мама. – Ты прости, но при всем уме и пусть даже бешеном таланте этот вот инфантилизм и тотальное неумение..

– Хватит, – перебила Женька. – Все-таки у меня остались к нему чувства. Не надо так о нем.

Пауза.

– Лерка расстроится, конечно. Очень его ждала.

– Как она вообще?

– Вроде бы летом поспокойнее. Спит лучше, больше с нами общается. Читает и рисует постоянно.

– А что с Агатой?

– В смысле? – спросила мама.

– Она какая-то потерянная совсем. Тревожная даже. Вот только не говори, что не заметила.

Лерочка догадалась, что ничего более важного и страшного уже не услышит и ей пора выбираться из укрытия. Ноги затекли, и ступни мерзко кололо. Лерочка уперлась ладонями в землю и медленно отползла на четвереньках. Отдалившись на безопасное расстояние, она встала и, задыхаясь от волнения, бросилась вглубь сада. Непослуш-

ная ступня подвернулась на бегу, Лерочка чуть не споткнулась и только тогда остановилась. Поправив сандалик и отряхнув платье, она наконец разрыдалась.

4.

Тетушка моя, царствие ей небесное. – Агата разливала холодное игристое по неподходящим по этикету, но милым пузатым бокалам. – Говорила, что всю жизнь избегала двух типов мужчин – спортсменов и художников. Но первые хотя бы не пьют, а по словам тети Эрики, как правило, еще и обладают рядом приятных физических достоинств.

- Хорошо, я обязательно приму к сведению, – засмеялась Женька.
- Нет, бедное мое дитя. – Агата, изяшно держа бокал за ножку, легонько стукнула его о Женькин. – Ты уже отравлена классическим образованием и обречена всю жизнь оценивать мужчин по образности речи.

Пока взрослые пробовали вино, Лерочка со скучающим видом цокала ногтем по высокому стакану с утешительным лимонадом и даже не приоткрылась к соломинке.

Агата шутливо поинтересовалась у нее, что стало причиной смены наряда, на что Лерочка только покачала головой, продолжив играть со стаканом.

- Потрясающе выглядишь, – с удовольствием отметил Женька. – Собранные волосы тебе идут. И сережки очень хорошие.
- Ну что ты, – засмеялась Агата и принялась мелкими движениями поправлять все подряд – расстегнутый ворот блузки, заколку-вилочку в огромном рыхлом пучке. – Этим сережкам уже сто лет, зато это настоящий...
- Что-то мне подсказывает, – задумчиво перебила после долгого молчания мама, глядя на Женьку. – Что довольно скоро ты его забудешь. И будешь даже благодарна за то, что он тебя избавил от этого своего запутанного внутреннего мира.

Женька пожалала плечами, но так резко, как будто вздрогнула. А Лерочка в не до конца понятных словах услышала что-то мучительно грустное и несправедливое.

- Дуры! – внезапно заявила Лерочка. – Дуры вы и ничего не понимаете!

После чего соскочила со стула, стукнулась локтем о край стола, картинно сердитым шагом

направилась к воротам, а уходя, попыталась хлопнуть чугунной калиткой, но та только медленно и печально вернулась на место.

5.

Добежав до поворота на асфальтированную дорогу, Лерочка остановилась: дальше уходить ей не разрешали. Она осмотрелась – ничего не подходило для уединения. Пришлось сойти с пыльной тропы и брести через высокое разнотравье, плотное, как морская вода, сквозь которую тоже нужно шагать с усилием.

Увидев, что из ворот вышла Женька и пошла в ее сторону, Лерочка замедлилась и дала себя догнать.

- Барашка, ну ты чего? – на ходу спросила Женька. – Ты расстроилась, что Миша не приехал, да?
- Это все ты виновата. – Лерочка резко обернулась. Она похрипывала от свежих слез. – Потому что ты злая и грубая и постоянно матерись. И курить начала. А он очень добрый. И теперь...

Лерочка запнулась от Женькиного взгляда. Та постояла пару секунд, глядя на сестру не зло, скорее разочарованно, после этого развернулась и молча пошла обратно к дому.

Лерочка так и осталась стоять в высокой траве, глядя ей в спину, и пошевелилась, только когда Женька скрылась за воротами. Лерочка начала озираться, ища подсказку для следующего шага. Впереди росли кряжистые яблони брошенного сада, чьи ссохшиеся ветви жутко смешивались со здоровыми. Чем дальше Лерочка уходила от дороги, тем тревожнее ей становилось – будто добравшись до яблонь, она окажется в месте, из которого совершенно нет пути назад, туда, где теперь жутко стыдно перед всеми. Она представила, как Женька жалуется на ее слова, как все тут же узнают о ее секрете, как теперь встретят ее с любопытными насмешливыми лицами.

Лерочкину лодыжку ошпарило крапивой – она отпрыгнула в сторону и зашипела, а потом внезапно, сама не зная отчего, села на корточки и крепко схватилась за куст беззащитной ладонью, сминая злые листья и почти рыча от жжения, которое настигло ее с опозданием.

Поднявшись, Лерочка с недоумением посмотрела на свою распухшую руку – она все сильнее наливалась болью, от которой по лицу и шее шли мурашки.

